

Цюй Сяо совершил проступок и пришел просить помощи у Тан Шэня, тем самым попросту сам угодив в ловушку. Цюй Сяо громко выкрикнул:

— Господин Тан, ваш покорный слуга лично знал Великого ученого Ляна! Я когда-то исполнял его поручения, вы не можете так поступить со мной!

Тан Шэнь одарил его ледяным взглядом. Цюй Сяо пробрала дрожь, и он невольно умолк. Тан Шэнь сразу же кликнул Яо Саня, повелев отвести Цюй Сяо в Судебный приказ. Все же Цюй Сяо был офицером Фэйцивэй и, видя, что Тан Шэнь действительно намеревается его арестовать, попытался изо всех сил воспротивиться. Однако в последние дни он не знал ни сна, ни отдыха, лишился сил и был совершенно измотан. Яо Сань же отличался крепким телосложением и дюжей силой. После короткой схватки он голыми руками скрутил Цюй Сяо.

С глазами, налитыми кровью, Цюй Сяо прохрипел:

— Господин Тан, нельзя сжигать мосты, перебравшись через реку!

Тан Шэнь велел Яо Саню:

— Отправь его в Судебный приказ.

Помолчав мгновение, Тан Шэнь добавил:

— Я пойду с тобой.

Поздней ночью Тан Шэнь лично доставил арестанта в Судебный приказ.

Дежурный чиновник Судебного приказа, продав о случившемся, немедленно явился на встречу с Тан Шэнем. Тан Шэнь велел запереть преступника в темнице и строго предписал дежурному:

— Этот человек — преступный чиновник, дело которого находится под надзором Цензоратов. С сегодняшнего дня установить за ним самый строгий пригляд. Никому не позволять видаться с ним, если только я сам лично не прибуду для допроса. Дело чрезвычайной важности — справишься?

Служитель Судебного приказа тут же поспешно ответил:

— Ваш покорный слуга исполнит приказ!

Тан Шэнь бросил последний взгляд на перепуганного до смерти Цюй Сяо и повернулся, чтобы уйти.

Вернувшись домой, Тан Шэнь обратился к Яо Саню:

— Возьмешь мою чиновничью бирку и завтра на рассвете отправишься на юг, в управу Цзиньлин. У меня есть для тебя одно поручение.

Этой ночью произошло слишком много событий, и Яо Сань был ошеломлен и растерян. Он спросил:

— Что именно я должен узнать, молодой хозяин?

— Чиновника, сидящего в темнице Судебного приказа, зовут Цюй Сяо, он офицер Фэйцивэй из управы Цзиньлин, — ответил Тан Шэнь. — Отправляйся в управу Цзиньлин и выясни, в чем

именно он провинился. Разузнай все как можно быстрее и вернись с докладом.

— Слушаюсь, — Яо Сань развернулся, собираясь идти.

— Постой.

Яо Сань обернулся и посмотрел на Тан Шэня.

Тан Шэнь немного подумал и произнес:

— Среди чиновников управы Цзиньлин у меня нет знакомых. Если ты поедешь лишь с моей биркой, в случае каких-либо затруднений тебе может не хватить влияния. Если столкнешься с непредвиденными обстоятельствами, отправляйся к Клану Ван из Ланъя и попроси о помощи Клан Ван. Но запомни: прибегай к этому только в самом крайнем случае.

— Я понял, молодой хозяин, можете быть спокойны, — ответил Яо Сань.

Отослав Яо Саня в Цзиньлин и заперев Цюй Сяо за решеткой, Тан Шэнь наконец почувствовал некоторое облегчение.

Этот Цюй Сяо появился чересчур вовремя. Прошло уже пять лет со смерти Лян Суна, и за это время никто ни разу не упоминал о нем перед Тан Шэнем. И вдруг как ни в чем не бывало возникает какой-то Цюй Сяо — Тан Шэнь просто не мог не насторожиться. Он не знал, действительно ли тот служил офицером Фэйцивэй в управе Цзиньлин, и уж тем более не ведал, сколь многое этому человеку известно о его связях с Лян Суном.

То, что Лян Сун когда-то был учителем Тан Шэня, не являлось тайной. Чжао Фу прекрасно об этом знал, просто никогда не поднимал этой темы.

Тан Шэнь давным-давно поступил в ученики к Фу Вэю, стал младшим учеником-соратником Ван Чжэня и полностью отсек все связи с Лян Суном. Тридцать один год назад Лян Сун состоял во Фракции Сунцин, а Чжао Фу недолюбливал членов Фракции Сунцин — всё это было бесспорными фактами. Но Чжао Фу не стал истреблять Фракцию Сунцин до конца. И Лян Сун, и бывший Ученый Ян благополучно продолжали службу на чиновничьих постах и дожили до событий пятилетней давности.

Чжао Фу заботился о своей репутации, а потому схватил лишь главу Фракции Сунцин — Чжун Тайшэна. Даже предпринимая действия против прочих сторонников Сунцин, император действовал крайне осмотрительно и безупречно: например, «сослал» Лян Суна в управу Гусу, убрав его подальше от центра власти, дабы тот спокойно доживал свои дни в тихой управе Гусу.

Тан Шэнь по собственной инициативе разорвал все нити, связывавшие его с Лян Суном, к тому же на момент обучения у Лян Суна он был весьма юн, так что Чжао Фу, разумеется, не стал бы карать его за это.

Однако неожиданное появление Цюй Сяо все же заставило Тан Шэня пролить холодный пот.

Вскоре Яо Сань отправился в управу Цзиньлин.

Тан Шэнь нанес визит в дом Ван Чжэня, захватив с собой коробочку лунных пряников. В преддверии праздника Середины осени под предлогом угощения он пробыл в Резиденции министра весь день. Он составлял компанию Ван Чжэню, дразнил птиц, любовался цветами;

когда Ван Чжэнь писал каллиграфию, Тан Шэнь растирал тушь, а когда Ван Чжэнь играл на цине, внимательно слушал.

Закончив наигрыш, Ван Чжэнь прижал ладони к вибрирующим струнам и, повернув голову, посмотрел на Тан Шэня. Он тихо спросил:

— Младший брат, с чего это у тебя сегодня проснулся такой изысканный вкус, что ты решил послушать мою игру?

— Мне всегда нравилась игра старшего брата, не наговаривай на меня, — ответил Тан Шэнь. — Эта мелодия в твоём исполнении звучала так возвышенно и пленительно, что я просто заслушался.

Ван Чжэнь тихо издал: «О?» — и спросил:

— В таком случае это поистине «Высокие горы и текучие воды» обрели своего ценителя, и встретить тебя для меня — величайшее счастье. Но раз так, знаешь ли ты, какую именно мелодию я только что исполнял?

Тан Шэнь вздрогнул, однако тут же вспомнил, как два часа назад Ван Чжэнь пролистывал нотные сборники и надолго задержался на одном древнем напеве. Он произнес:

— «Листья ряски нежны, абрикос в цвету светел, расписная ладья скользит легко... Пара уточек-мандаринок выплывает из зелени песчаной отмели под пение гребцов. Весенняя вода тиха, без ветра и волн. Весенний день то в дожде, то в ясном солнце. Красавица следует к южной пристани на закате, полная нежных чувств...» Старший брат играл «Журавли взмывают в небеса», я ведь прав?

Стоило Тан Шэню хотя бы раз взглянуть на текст, как он запоминал его намертво, поэтому сейчас говорил с абсолютной уверенностью, будто и впрямь до тонкостей разобрался в музыке.

Ван Чжэнь посмотрел на него многозначительным взглядом:

— Верно. Так ты и вправду понимаешь эту мелодию?

— Я даже слова к ней цитирую, а старший брат все еще сомневается? — ухмыльнулся Тан Шэнь.

Ван Чжэнь улыбнулся:

— Хорошо, будем считать, что понимаешь.

За ужином Тан Шэнь завел разговор об управе Гусу:

— Я давно не бывал в управе Гусу. Подумать только, прошло уже два года, я даже соскучился по дому. А старший брат скучает по Клану Ван из Лантя, по управе Цзиньлин? Ты тоже давно уехал из родных краев, и если вернешься, то, опасаясь, всё вокруг покажется изменившимся до неузнаваемости.

Рука Ван Чжэня с палочками для еды на мгновение замерла. Он поднял взгляд и пристально посмотрел на Тан Шэня, будто пытался разглядеть на его лице нечто особенное. Однако он не был провидцем, поэтому, понаблюдав некоторое время, с улыбкой сказал:

— В этом году на Новый год я ездил в управу Цзиньлин. А в следующем году не отправиться ли

нам с младшим братом в Цзяннань, чтобы встретить праздник вместе?

Тан Шэнь улыбнулся:

— Конечно, с радостью. Несколько лет назад я побывал в гостях у Клана Ван из Ланъя, и его величие и глубина до сих пор врезались мне в память.

После ужина Тан Шэнь попрощался и ушел. Они условились встретиться в Резиденции министра на праздник Середины осени, чтобы вместе любоваться луной.

Выйдя из Резиденции министра, Тан Шэнь изменился в лице и мысленно заключил: «Ван Цзыфэн ничего не знает о Цюй Сяо!»

Управа Цзиньлин — это родовое гнездо Клана Ван из Ланъя, считай, владения Ван Чжэня. Если бы этот Цюй Сяо действительно задумал недоброе, это ни за что не укрылось бы от очей Клана Ван, и Клан Ван немедленно известил бы Ван Чжэня. Но раз Ван Чжэнь пребывает в полном неведении, это с вероятностью девять из десяти означает, что с Цюй Сяо и впрямь случилась беда, и он пришел просить о помощи без всякого скрытого умысла.

Тан Шэнь уже сделал для себя выводы, однако все же оставил Цюй Сяо под замком в темнице, дожидаясь возвращения Яо Саня.

Двенадцатого числа восьмого месяца, когда Яо Сань все еще не вернулся из управы Цзиньлин, настал день поминовения — день рождения усопшей Вдовствующей императрицы.

Предварительно Чжао Фу дал трем принцам десять дней на подготовку поминального пира.

Три принца впервые получили от Чжао Фу столь ответственное поручение, притом одновременно все трое. Каждый из них понимал, что дело кроет в себе глубокий смысл, и приложил все усилия, дабы выслужиться. Сама организация пира в честь усопшей Вдовствующей императрицы не представляла особой сложности: братья четко разделили обязанности и провели все безупречно и красиво. Однако не обошлось без одного эпизода, о котором Ван Чжэнь как-то со смешком поведал Тан Шэню, пока кормил птиц.

Как сказывали, на следующий день после того, как трое принцев приняли поручение, второй принц Чжао Шан отправился во Дворец Циньчжэн и разыскал Министра ритуалов Мэн Лана.

Мэн Лан немало удивился, увидав такого именитого гостя.

Чжао Шан изложил цель своего визита:

— В прошлом году устройство пиршества для августейшей бабушки было поручено господину Мэну. Ныне я принял эту задачу, однако юн и неопытен, не постиг всех тонкостей и опасаясь нарушить запреты. Чжао Шан не преуспел в науках и ритуалы Чжоу знает лишь поверхностно, а потому специально пришел к вам, господин Мэн, в надежде, что вы прольете свет на мои сомнения.

Министр ритуалов Мэн Лан облегченно вздохнул:

— Так вот в чем дело. Ваш покорный слуга, будучи министром Ритуалов, разумеется, рад послужить Вашему Высочеству.

На самом деле Чжао Шан давным-давно все устроил, так что Мэн Лану не о чем было

беспокоиться, да и исправлять в его действиях было нечего. И все же принц проделал этот формальный жест, дабы сблизиться с Мэн Ланом. В прошлом году из-за приезда посольства Государства Ляо им уже доводилось некоторое время работать вместе, а теперь, когда поручение получили все трое братьев, лишь Чжао Шан нанес визит Мэн Лану, сделав их связи еще более тесными.

Ван Чжэнь насыпал корма иволге, и его голос прозвучал мягко и мелодично:

— Что младший брат думает теперь о втором принце?

Тан Шэнь, выслушав это, от изумления лишился дара речи:

— Похоже, я недооценивал Его Второе Высочество.

Ван Чжэнь протянул руку и легким касанием задел лоб Тан Шэня между бровей, а Тан Шэнь поднял руку и погладил то место.

<http://bllate.org/book/18292/1757418>